

Вопросы к докладчикам и ответы

Вопрос (Г.Г. Малинецкий):

Вы сказали, что капитализм и Россия несовместимы. Можно пояснить?

Ответ (А.И. Фурсов):

Россия несовместима не только с капитализмом — с любыми западными формами эксплуататорского типа и системами производства и обмена, но прежде всего с капитализмом и характерным для него рынком. Как показал целый ряд исследований — например, школы Л.В. Милова, — в России по сравнению с Западной («атлантической», «франкской») Европой создается невысокий по своему уровню совокупный прибавочный продукт. Этот уровень не позволяет на русских землях развиваться социальным формам, которые характерны для Западной Европы (феодализм, капитализм), и, соответственно, социальным группам — носителям этих форм (феодалы, буржуазия, бюрократия в строгом смысле слова — не путать с чиновничеством).

Появление в России западоподобных господствующих групп предполагает в качестве необходимого условия, во-первых, отчуждение этими группами у населения не только прибавочного, но и части необходимого продукта; во-вторых, жизнь займы, причем займы делаются в различных формах как внутри страны, так и за рубежом.

Так, если мы возьмем «золотой век дворянства» (1750–1850 гг.), т. е. время, когда в истории России своего расцвета достигла социальная группа, максимально (в русской истории) напоминающая западные господствующие группы землевладельческого типа, то мы увидим следующее. Превращение в конце XVIII в. 20–30% дворянства в «западоидов» (остальные 70–80% по уровню благосостояния были «дубровскими», т. е. не могли вести социально приемлемый дворян-

ский образ жизни) было достигнуто, во-первых, передачей в частные руки большого числа государственных крестьян (количественный рост эксплуатации); во-вторых, усилением эксплуатации (в 2,25 раза, как минимум) и, естественно, гнета (крепостные при Екатерине — это по сути рабы; екатерининское правление в этом смысле — одна из самых позорных страниц русской истории); в-третьих, территориальной экспансией (здесь крайне важным было присоединение Новороссии с ее высокой урожайностью, что превратило Россию из земледельческой страны в земледельческую державу: с 1766 г. по 1779 г. вывоз зерна из главных портов России, не считая остзейских, вырос в 9 раз!); в-четвертых, интенсивными внутренними и внешними займами. 2 апреля 1769 г. через посредство голландских ростовщиков де Смет Екатерина II взяла займы 7,5 млн гульденов (3,7 млн руб.); к концу ее правления (1796 г.) внешний долг составил 15,5 млн руб.; внутренний — 15,5 млн руб. плюс 150 млн руб. беспроцентного долга ассигнациями. Рабство, жестокая эксплуатация, жизнь в долг, т. е. проедание будущего — вот цена «золотого века Екатерины», формирования дворянства как неслужилого квазикласса.

Во второй половине XIX в. уровень эксплуатации увеличился (частнопомещичьих крестьян — в 2,5–3,5 раза, государственных — в 3 раза). Происходило все это в условиях нарастающего аграрного перенаселения, с одной стороны, и разорения дворянства — с другой, т. е. и этих средств не хватало для нормального функционирования западоидной господствующей группы в России: с 1833 г. по 1850 г. из 127,1 тыс. дворян-помещиков (кстати, 17,8 тыс. дворян крепостных вообще не имели) 24 тыс. разорились. И это при том, что помещики закладывали крепостных государству: в 1859 г. 66% частновладельческих крестьян были заложены государству. А после освобождения крепостных начали закладывать землю, т. е. проедать будущее в другой, новой форме: если в 1870 г. в залоге было 2,2% земель, то всего через 25 лет, в 1895 г. — 40%.

Все эти цифры говорят о том, что русский совокупный прибавочный продукт, во-первых, явно недостаточен для классогенеза á la Европа, особенно капиталистического классогенеза, связанного с мировым рынком, его демонстрационным эффектом. Русская «система работ» (К. Маркс) рассчитана на определенный уровень потребностей и не может удовлетворить высокий уровень потребностей, обеспечиваемый позднефеодальной (XIV–XV вв.), старопорядковой (XVI–XVIII вв.) и, тем более, буржуазной (XIX–XX вв.) системой работ, а потому такой классогенез в России требует перехода к отчуждению не только прибавочного, но и части необходимого продукта, что ведет к довольно быстрому социальному разложению низов, регрессу, социальной поляризации. «Трактирная цивилизация» — так именовали народники т. н. «капиталистическую трансформацию» деревни, указывая на социальное разложение, — все это хорошо описал Глеб Успенский в своих очерках «Социальной физиологии».

Во-вторых, как показали последние 150–200 лет, даже отчуждения части необходимого продукта недостаточно, чтобы обеспечить полноценный, целостный классогенез — идет расслоение и в верхушке, поскольку не только не хватает на всех, но превращение в класс (или квазикласс) верхних 20–30% господствующих групп отчасти происходит за счет 80–70% средних и особенно нижних; в результате, наряду с разложением низов мы имеем разорение и разложение верхов со всеми вытекающими последствиями. Несформированность верхов («элиты») в послепетровской России теснейшим образом связана именно с этим; показательно также, что в России так и не сформировалась многочисленная и эффективная «веберовская» бюрократия — не было средств на ее содержание, поэтому до отмены крепостного состояния целый ряд бюрократических функций выполняли помещики, а после отмены были устроены земства, эффективность которых явно преувеличена.

Это — один аспект несовместимости капитализма и вообще западнизма, как выражался А. Зиновьев, с Россией, русской жизнью. Есть и другой, тоже связанный с земледелием, сельским хозяйством. Для того чтобы России нормально «жить с земледелия», нужно 4 десятины (т. е. чуть больше 4 га) на человека. В 1913 г. было 0,4 га. Решением проблем мелкого землевладения в условиях аграрного перенаселения является переход к крупному землевладению — либо латифундистскому, либо фермерско-капиталистическому; Ленин называл это «пруссским» и «американским» путями развития сельского хозяйства.

Фермерскую перестройку сельского хозяйства пытался организовать П.А. Столыпин, из которого сегодня делают героя русской истории, удачливого реформатора и т. п. На самом деле Столыпин со своей реформой, проводившейся в значительной степени насильственно и в совершенно определенных классовых интересах, которые кажутся близкими нынешней верхушке РФ, провалился. Община, в противоположность тому, что он предполагал, не развалилась, из нее выделились 2,5 млн чел. (25% домохозяев), индивидуальные крестьянские владения составили 15% общей площади обрабатываемых земель. Что характерно, в ходе гражданской войны, которая наиболее сильно полыхала «от темна до темна» именно там, где столыпинская реформа наиболее преуспела (юг и восток европейской части России), крестьяне к 1920 г. вернули в общинную собственность 99% земли. Вот тебе, бабушка, и столыпинская реформа... А ведь умные люди предупреждали: «Петр Аркадьевич, Ваша реформа приведет к революции». Так оно и вышло: Россия снизу отвергла капиталистическую трансформацию деревни. Но не все было просто и с капиталистической трансформацией промышленности.

Как показали в своих работах Ю.П. Бокарев и другие исследователи, в дореволюционной России казенная, т. е. государственная промышленность развивалась нередко за счет

и в ущерб капиталистического сектора. По сути Россия и сверху отвергла капитализм; собственно капиталистический сектор у нас был представлен главным образом иностранным капиталом, который успешно конкурировал с местным, а то и просто давил его. Таким образом, помимо внутреннего ограничения у капитала в России было и внешнее.

И, наконец, еще одно внутреннее ограничение «капитализации» и «маркетизации» России: подавляющее большинство продукции, произведенной в России, неконкурентоспособно в качестве товара мирового рынка, поскольку в цену должны быть заложены транспортные издержки и издержки, связанные с отоплением, теплой одеждой и т. п., — короче говоря, «зимние издержки». Россия — принципиально не (вне) рыночная, не (вне) капиталистическая, а по сути и не (вне) классовая страна, потому-то на Западе — феодализм и капитализм, а у нас — самодержавие и коммунизм, которые так ненавидит Запад. «Капиталистические эпизоды» суть отклонения русской истории, связанные только с поражениями от Запада — Крымская война, холодная война, с социальным и внешнеполитическим упадком; «капиталистический прогресс» России есть мерило ее застойности и регресса.

К середине XIX в., обретя адекватную себе базу в виде индустриальной системы производительных сил, европейская мир-система отбросила дефис и в «длинные пятидесятые» XIX в. (1848–1867 гг.), аккурат между публикациями «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса и I тома «Капитала», отбросила «дефис» и стала реально капиталистической мировой системой. Мир-систем может быть (и было) несколько, мировая система стремится к единственности. Поэтому в середине 1850-х гг. Великобритания — гегемон мировой системы — нанесла одновременно удары по двум существовавшим на тот момент мир-системам — русской и китайской. Полностью своих целей ни Крымская, ни Вторая опиумная войны не достигли: не удалось Россию загнать в границы начала XVII в., а Китай — превратить в ко-

лонию. И все же, как мир-системы они существовать перестали.

С середины XIX в. начинается активная интеграция России в мировую систему. За прошедшие полтора столетия, как показала история, у России только две стратегии, два варианта существования в мировой системе; похоже, что третьей — по крайней мере, при сохранении этой системы — не дано.

Первый вариант: Россия — элемент мировой системы, причем элемент финансово зависимый, выступающий главным образом как сырьевой придаток и имеющий в той или иной степени ограниченный суверенитет. Эту стратегию я называю «стратегией Александра II» (при нем были заложены ее основы) или стратегией «белой империи», при которой империи и имперскости становится все меньше, растет социальная поляризация, начинаются волнения, далее — смутореволюция, гражданская война, распад страны.

Альтернативный вариант — «стратегия Сталина» или «красная империя». Россия — не элемент мировой системы, а альтернативная мировая система, антисистема по отношению к капитализму; основой «красной империи» является военно-промышленный комплекс, для нее характерны относительный эгалитаризм (даже в брежневское время, когда «красная империя» начинала систематически нарушать свои принципы, росло неравенство, децильный коэффициент не превышал 3:1; сегодня, по официальным данным, он составляет 15:1, по неофициальным — в 2 раза больше, примерно то же было в дореволюционной России), контроль над количеством и качеством потребления верхов — оно должно соответствовать русской системе работ и социальным принципам «красной империи». Вариант «Россия как антисистема» просуществовал с начала 1930-х гг., когда Сталин и его команда ликвидировали НЭП — инерционное продолжение «ленинской гвардией» и особенно троцкистами «стратегии Александра II», — только с другим лицом и манерами, — до конца 1970-х гг., когда СССР практически превратился в по-

ставщика сырью Западу. Сегодня, как и во второй половине XIX в., после поражения, но только намного более сильного и не только государственного, а системного, «цивилизационного», мы имеем второе — фарсовое, ублюдочное, бандитское издание капитализма и «модели Александра II».

Россия и капитализм несовместимы, многие наши проблемы должны решиться с крушением капсистемы. Есть, однако, некое «но»: с середины 1970-х гг. западная верхушка приступила к демонтажу капитализма — то замедляя, то ускоряя этот процесс. Речь идет о конструировании посткапиталистического мира, намного менее эгалитарного и демократического, чем был капитализм «славного тридцатилетия» (1945–1975 гг.), намного более эксплуататорского — глобального апартеида, внешне напоминающего неофеодализм, неорабовладение и кастовый строй одновременно: иерархия корпораций («орденов») разного уровня (вместо каст), эксплуатируемая «одинокая толпа» (Д. Рисмен), огромная «неоварварская» масса социально дезорганизованных, выброшенных из социального времени, используемая в случае необходимости против «неорабов».

Учитывая такую перспективу, возможно, следует не торопиться крушить капитализм вместе с его верхушкой — иначе это будет работа на врагов России, на глобальную «железную пяту», — а отстаивать его демократические завоевания, консервировать их; здесь-то и возможен синтез марксизма и консерватизма, направленный на защиту европейской цивилизации, т. е. принципиально иной, не либеральный, не якобинский и даже не христианский вариант идейно-политической стратегии, направленной в будущее.

Может ли «Россия здесь что-то предложить и одновременно решить **свои** проблемы? Посмотрим. Когда-то, предлагая **глобальную** антикапиталистическую альтернативу, большевики объективно решали **русскую** проблему — невозможности сожительства России (русских) и капитализма. Средством решения стала мировая антикапиталистическая система. Но

победить могла только глобальная антикапиталистическая система — не альтернативная, а одна-единственная. Двигаться на пути к такой системе СССР прекратил в середине 1950-х гг., и поэтому он был снят.

Вопрос (Г.Г. Малинецкий):

И вопрос Дмитрию Сергеевичу. В письменном части доклада было сказано, что весьма вероятен переход к традиционному строю, к орденской культуре, брахманам, вероятны войны и все остальное. Как Вы к этому относитесь в качестве модели XXI в.?

Ответ (Д.С. Чернавский):

Я думаю, что это одна из возможных и вероятных моделей. Я думаю, что кастовое общество — это то, против чего я не стал бы возражать. Общество будет скорее тоталитарным, но не демократическим. При этом люди будут так же счастливы или несчастны, как сейчас.

Вопрос (А.И. Соловьев):

Дмитрий Сергеевич, как Вы считаете, в современных условиях влияние информационных факторов может стать доминирующим для определения социальной динамики, нежели значение стратификационных, классовых или иных разломов? Или это не когерентные понятия, и они действуют параллельно?

Ответ (Д.С. Чернавский):

Считаю, что ни один из факторов, взятых в отдельности, не может играть доминирующей роли, поскольку они связаны и действуют параллельно. Информационный фактор, о котором я говорил, играет важную роль и им нельзя пренебрегать. Здесь важна роль СМИ, но не меньшую роль играет то, что я называл «сарафанное радио» — общение людей друг с другом, передача информации из уст в уста, споры и т. д.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

У меня три вопроса к докладчику. Первый — технологический: каким воображаемым способом можно уничтожить 2/3 населения земного шара?

Ответ (А.И. Фурсов):

Элементарно: пандемия, тяжелый и затяжной экономический кризис, война. Был такой человек с репутацией большого гуманиста — Аурелио Печчеи, один из организаторов Римского клуба. Есть информация, что однажды он заметил: в мире должна либо снизиться рождаемость, либо повыситься смертность. До него аналогичную фразу слышали от Роберта Макнамары. Печчеи пошел дальше — утверждают, что он добавил: нужен такой штамм, который уменьшал бы человеческую популяцию подобно «черной смерти» в XIV в., но против которой трудно было бы найти вакцину, а следовательно, нужен такой штамм, который безвозвратно подрывает иммунитет. Это один вариант сокращения населения. «Можно, конечно, и другими средствами» — как говорил жандарм из кинофильма «Николай Бауман». Например, война. Кстати, две мировые войны XX в. в Европе, особенно в Германии, «убрали» избыточное население.

Еще один вариант. В некоем царстве, некоем государстве в 1950-е гг. в недрах одной из спецслужб разрабатывается многофункциональный план: создание социального конфликта; реализация стратегии управляемого хаоса; манипуляция большими массами людей; резкое снижение численности населения, прежде всего городского; целенаправленная архаизация общества на периферии капсистемы — и самоцель, и отработка методики; компрометация левого и особенно коммунистического движения — и все в одном пакете. Вкладывается эта программа в головы левакам — ну, скажем, во Франции, да так, что они полагают, будто сами все это придумали, и начинают носиться с идеей. А в это время во Франции учится парень из Камбоджи, зовут его Салот Сар.

В историю он войдет под псевдонимом Пол Пот, он-то как раз реализует программу, которую возьмет у французских леваков, естественно, не зная первоисточника.

Недавно прошла информация, что на апрельской встрече членов Бильдербергского клуба обсуждался вопрос о сокращении к 2050 г. населения планеты на 2/3. Единственная критика, прозвучавшая в адрес предложения, заключалась в том, что любая «радикальная мера» по сокращению мировых низов может ударить и по верхам — по «тем, кто почище-с». От себя добавлю: если допустить, что СПИД — это нечаянно или намеренно выпущенный в Африке из бутылки джинн, то он свою задачу не выполнил: до 25–30% населения многих стран Африки к югу от Сахары ВИЧ инфицированы, высока смертность, а показатель численности населения все равно ползет вверх.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Второй вопрос: некая элита демонтирует то, что Вы называете капитализмом, вполне осознанно, целенаправленно. А что монтируют?

Ответ (А.И. Фурсов):

На этот вопрос отвечают идеологи мондиалистов. Причем иногда очень откровенно. Например, Жак Аттали — думаю, не надо объяснять, кто это. В нескольких последних книгах (биография Карла Маркса, переведенная на русский язык и изданная в серии «ЖЗЛ»; «Краткая история будущего» и «Кризис и после» — тоже переведена на русский язык) он излагает свою версию будущего развития. После 2035 г. гегемония США сойдет тремя последовательными волнами: сначала гиперимперия рыночного типа, развитие которой приведет к гиперконфликту — войне всех против всех, после чего к концу XXI в. должна установиться гипердемократия.

Согласно Аттали, гипердемократия — это мировое правительство, которое обуздывает финансовый капитал, уничто-

жает рынок как таковой, экономика становится нерыночной, по сути — распределительной, вся власть концентрируется в руках мирового правительства. Кстати, саму идею мирового правительства, подчеркивает Аттали, выдвинул Маркс, но реализует ее не пролетариат, как предсказывал трирец, а буржуазия, готовая выйти за рамки рыночной экономики. Причем процесс этот можно ускорить. Как? С помощью введения мировой валюты, она — прямой путь к мировому правительству. Как создать мировую валюту? Для этого нужен мировой финансово-экономический кризис.

Итак, что же монтируется? Социализм для избранных, для неокочевников (гиперномадов). Он же — глобальный апартеид для основной массы человечества. Правда, логика развития мировых процессов ведет к тому, что «золотому миллиарду», чтобы управлять планетой, придется потесниться и превратиться, скажем, в «серебряные» 2–2,5 миллиарда.

Несколько месяцев назад в США в журнале *Democracy*. *Journal of ideas* появилась статья двух исследователей — Маунта и Капчана, главный тезис которой — необходимость для США и Запада в целом перейти к новой модели управления миром, которую эти авторы называют «автономной». По сути это рационализация внешней политики Обамы. Автономное управление заключается в том, что США должны передать часть ответственности за управление мировыми процессами «добропорядочным» и «ответственным» государствам типа Японии, Индии, Индонезии, ЮАР, Нигерии, Германии, Мексики и др. (показательно, что в этом списке нет России и Китая), а еще лучше — региональным организациям, которые будут наводить порядок в мире и давить «государства-хищников». Такой подход разгрузит Запад, а США, которые итак испытывают имперское перенапряжение, обеспечит передышку. Речь, таким образом, идет о создании глобальной «преторианской гвардии» — в основном из полупериферийных государств и их региональных организаций (естественно, под контролем и Недремлющим Оком

Запада, запечатленным на долларовой купюре), без которой Запад уже не может реально управлять миром, противостоять глобальным низам и середнякам в условиях надвигающегося кризиса и неминуемой борьбы за ресурсы. Короче, монтируется корпорационно-иерархическая модель надэкономического, орденского типа, где экономика будет функцией власти и контроля над знанием, как это было у тамплиеров.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

И последний вопрос: что такое капитализм? Я имею в виду его определение.

Ответ (А.И. Фурсов):

Хороший вопрос. Наиболее раннее употребление термина «капитализм» относится к 1842 г., и это неслучайно: именно в 1840-е гг., создав адекватную себе производственную базу (индустриальную), капитализм обрел формационные черты, подчинил себе **экономически** некапиталистические уклады и стал **прежде всего** способом **производства**. Интересное определение капитализма дает французский словарь Robert: «капитализм — экономический и социальный режим, при котором капитал как источник дохода, как правило, не принадлежит тем, кто непосредственно прилагают к нему свою рабочую силу». Это определение основано на фиксации противостояния капитала и рабочей силы. И это правда. Но не вся. Это определение не учитывает некоторые важные характеристики. Разумеется, определение нельзя подменять набором характеристик, однако реальное определение в снятом виде (в гегелевском смысле) должно содержать в себе максимум важнейших характеристик, а также указывать принцип функционирования определяемой системы.

Дело в том, что, во-первых, капитализм в своем нормальном состоянии предполагает определенную организацию производительных сил (как социальных, так и материальных), которой до него не существовало и которая и обеспечивает

ему преимущество над докапиталистическими системами, а мировой капсистеме — над региональными мир-системами, включая европейскую (отсюда победа капитализма над Старым Порядком — воплощением европейской мир-системы XVI–XVIII вв.). Во-вторых, капитализм в своем формационном (североатлантическом) ядре предполагает наличие таких социальных форм и институтов, которых нет в других системах и которые, с точки зрения этих систем, — «факультет ненужных вещей», роскошь. Речь идет о государстве (state), политике как полисубъектной форме борьбы за власть, гражданском обществе, институционально-обособленном рациональном знании — науке, идеологии и ряде других.

Повторю: будучи не то хламом, не то роскошью — с точки зрения докапиталистических систем, — эти институты совершенно необходимы для капитализма как системы, для его системно-образующего ядра-элемента, поскольку, с одной стороны, ограничивают капитал в его собственных долгосрочных интересах (т. е. нередко ограничивают в кратко — и среднесрочной перспективе для того, чтобы решить задачи системы и ее хозяев), с другой — обеспечивают его экспансию. Капитализм — экстенсивно-ориентированная социальная система, увеличение нормы прибыли при сохранении относительного социального мира требует создания периферии и превращения ядра в центр, куда стекается прибыль. Институты, о которых речь шла выше, — это двуручный меч, который решает как внутренние проблемы ядра (его господствующих групп, прежде всего), так и внешние, воспроизводя систему в ее постоянной планетарной экспансии. Подобно королеве из «Алисы в стране чудес», капитализм должен постоянно бежать, чтобы «оставаться на месте», т. е. быть капитализмом.

В-третьих, капитализм — это не только капитал как собственность, это капиталистическая собственность, которая шире капитала-собственности, реализующего себя в качестве таковой в фазе действительного процесса производства,

но функционально подчиняется ему и обусловлена им. Капитал, если ему не противостоит труд, немедленно вырождается в богатство, в деньги, т. е. из средства производства становится преимущественно средством накопления, оставаясь *au fond* средством производства, субстанцией, а не функцией в ядре, с характерным для него типом организации социальных и материальных производительных сил. Капитал, таким образом, легко принимает формы докапиталистического богатства, как только выходит за непосредственные пределы своей формационной матрицы; именно это позволяет капиталистическим отношениям обмена приобрести мировой характер, тогда как индустриальные производительные силы долгое время (до последней трети XX в.) остаются региональными, концентрируясь в Северной Атлантике.

Обеспечение капиталистической собственности ядра за его пределами достигается с помощью ряда институтов буржуазного общества (государство, наука, идеология), которые, как функции капитала, можно переносить в пространстве без переноса всей институциональной системы и самого капитала как субстанции. Конкретная форма — так называемые «модернизации», т. е. имитации буржуазных форм на периферии капсистемы при минимальном воспроизведении буржуазного содержания или вообще без него; в любом случае, социальная и духовная сфера в **такой** ситуации обгоняют материальную, что порождает **внешнее** впечатление самостоятельности этих сфер, особенно если забыть о роли ядра.

Сказав все это, можно перейти к определению капитализма. Маркс определял капитал в формационном плане как овеществленный труд, тем самым противопоставляя его природным формам богатства (земля, тело человека); кроме того, он определял капитал как (само) возрастающую стоимость, в связи с этим он подчеркивал, что сами по себе капитал и наемный труд (например, использование прислуги) не конституируют капитализм, речь должна идти о таком обмене ра-

бочей силы на овеществленный труд, цель которого — рост стоимости, т. е. увеличение прибыли, накопление капитала, что предполагает экспансию и соответственные институты, ее обеспечивающие. Наконец, капитализм конституируется именно как способ производства, а не как способ обмена или накопления богатства в денежной или иной форме.

Итак, капитализм — это сложная система производства, основанная на отделении средств производства, представленных прежде всего овеществленным трудом (или его функциональным заменителем), от рабочей силы; цель системы — безостановочное накопление капитала, реализующееся прежде всего в количественной (пространство) экспансии, в ходе которой капитал может превращаться в некапиталистические формы и даже создавать их «от себя» и которая обеспечивается особыми институтами; эти же институты, обеспечивая внешнюю экспансию, ограничивают капитал в ядре в его долгосрочных интересах, защищая от него общество, в котором он существует и которое является его *locus standi*, таким образом они ограничивают его внутреннюю экспансию.

Сегодня, когда после крушения коммунизма, распада СССР и «капитализации» Китая вся планета стала капиталистической, экспансия в пространстве завершена, нужно переходить от экстенсива к интенсиву. Но в том-то и дело, что капитализм — экстенсивно ориентированная система, он не заточен под интенсив, на эксплуатацию ядра, в этом плане он похож на античное рабовладение, а не на феодализм. «Феодализация» капитализма (это, естественно, метафора, образ) требует демонтажа всего институционального каркаса (государство, политика, гражданское общество, наука и образование), что автоматически означает демонтаж капитализма как системы, которая более не приносит ожидаемых прибылей своей верхушки и ситуация в которой угрожает их власти, собственности и привилегиям. Поэтому-то Аттали и пишет о необходимости мирового правительства,

установления контроля над капиталом и демонтажа рыночной экономики.

Вопрос (А.И. Соловьев):

Как соотносятся капитализм и индустриализм? Каковы пределы социального конструирования? Какая, с Вашей точки зрения, существует нормативная модель развития нашей страны? Как Вы можете оценить стиль управления, который предлагает сегодня ЕС для урегулирования крупных, масштабных — в том числе экологических — конфликтов, катастроф, противоречий и т. д.?

Ответ (А.И. Фурсов):

Начну с последнего вопроса: я не знаком с программой, которую предлагает ЕС, поэтому ничего сказать не могу.

О связи капитализма и индустриализма, а точнее было бы сказать — индустриального производства, индустриальных производительных сил. Первое — причина, второе — следствие. Индустриальное производство появляется только в капиталистическом обществе, в капиталистической мировой системе на определенной стадии их развития. Затем оно может заимствоваться, имплантироваться, переноситься на некапиталистическую почву, может даже стать оружием антикапиталистических сил (советский ВПК), но суть дела в том, что возникнуть и длительное время развиваться «индустриализм» может только на почве капиталистических отношений. Более того, автор одной из лучших работ по социальной истории Англии Харолд Паркин полемически конкретизирует: индустриальная система возникает на основе английского землевладения, его положения в обществе, сформировавшегося в XVI–XVII вв. Именно особые отношения земельной аристократии с обществом и государством, писал Паркин, создали социально-политический климат для вызревания индустриализации. Из корыстного интереса они создали политические условия — политические свободы, аб-

солютную безопасность собственности, минимум внутреннего вмешательства, адекватную защиту от внешней конкуренции. Более того, они использовали политическую власть для создания предварительных необходимых условий для рывка (take-off) в сельском хозяйстве, угольном производстве, транспорте; этот же тип землевладения, его отношений с обществом и государством решающим образом обусловил и определил индустриализм в интеллектуальном и научном плане. Аналогично паркиновским мыслям высказываются и другие исследователи — например, Дуглас Норт.

Подчеркну: будучи одной из центральных формационных характеристик капитализма, индустриальная система производства сама по себе не конституирует капитализм — она конституируется им. При этом на периферии длительное время широкомасштабная индустриализация не развивается, этот процесс интенсифицируется в последней трети XX в., когда по мере становления научно-технической системы производительных сил и кризисных явлений в экономике ядра на рубеже 1960–1970 гг. индустриальное производство начинают выносить в Третий мир. До этого, вплоть до XIX в., капитализм «предпочитал» создавать на докапиталистической периферии такие докапиталистические уклады, которых до него не было: плантационное рабство на юге США и в Карибском бассейне; латифундии в Южной Америке, частнособственническое аграрное хозяйство в Индии. Иными словами, капитализм как мировая система реализовывал себя в виде многоукладности, в которой созданные им докапиталистические по содержанию уклады выполняли капиталистическую функцию — своей особой функцией у них не было.

Говоря о капитализме, многие, как правило, имеют в виду США, Францию, Швецию. Да, это капитализм, но капитализм ядра. Однако есть еще капитализм периферии и полупериферии: Гаити и Бразилия, Нигерия и ЮАР, Индия и Филиппины — и только все они вместе конституируют капитализм как систему. Квазисоциалистический капитализм ядра, «зо-

лотого миллиарда», так и не переваривший и не устранивший до конца гуманистические идеалы Возрождения и Просвещения, необходимые для становления капитализма, но чуждые его сути, невозможен без брутального, антигуманного, антипросвещенческого, почти зоологического капитализма периферии. Так же, как афинская полисная демократия была невозможна без рабства.

О пределах социального конструирования. Это природа человека и исторические обстоятельства, прежде всего внутренние противоречия в среде «конструкторов», т. е. сама история, которая не тождественна логике, а представляет собой результат столкновения исторических субъектов, человеческих волей.

Например, в начале XX в. некие силы спланировали уничтожение России (и Германии) как своих конкурентов в мировой политике и экономике, используя при этом кризис самодержавия конца XIX в. — начала XX в. Были распределены роли: Троцкий, Ленин, ловко проведены февральская и октябрьская операции; разожгли гражданскую войну. Однако распавшаяся Россия из войны вышла не кусками, а единым целым; наверху оказались не интернационал-коммунисты с Троцким во главе и даже не «ленинская гвардия», а национал-большевики во главе со Сталиным. На Троцкого ставят Ротшильды? Прекрасно. Сталин договаривается с Рокфеллерами о том, что они профинансируют нам пятилетки в обмен на Бакинскую и грозненскую нефть (привет англичанам) и еще кое-что.

После войны западная верхушка резко активизировала свои усилия по селекции формальных (публичных) политиков, которые должны быть только прикрытием реальной власти и больше ничем, и, несмотря на целый ряд «сбоев» (Кеннеди, Де Голль, отчасти Никсон), в целом в этом преуспела. В результате, в 1990–2000 гг. мы видим целую плеяду инкубаторских политиков («они приходят как тысяча масок без лиц» — Карел Чапек о саламандрах): Блэр, Саркози, Меркель,

Обама. Есть информация, что Обаму еще первокурсником отобрали вместе с еще семью студентами, приставив к ним Бжезинского.

Впрочем, целенаправленный отбор верхушки, создание истеблишмента со всей очевидностью идет с конца XIX в., это начали делать Сесил Родс, а затем Альфред Милнер. Настоящим Конструкторским Бюро социально-политического конструирования был Коминтерн, изучение которого проходит «по разряду» истории международных отношений. А вот изучение так называемого Фининтерна, у которого были свои четкие интересы в борьбе за власть, ресурсы и информацию и возможности которого явно превосходили коминтерновские, объявляется «конспирологией». И это при том, что нынешняя ситуация — эпохи глобализации и информационных технологий — резко усиливает позиции Фининтерна, располагающего, помимо прочего, мощнейшим информационным потенциалом.

Но даже в этих условиях социальное проектирование и конструирование имеет предел. Он — в стремлении человека быть человеком вопреки обстоятельствам, быть социальным вопрекистом. У Стругацких есть повесть «Улитка на склоне», написанная ими по мотивам «Страны водяных» Акутагавы Рюноскэ. В повести описывается некая местность, где власть, контролирующая ее, обрекает население на вымирание и деградацию. Размышляя о судьбе тех, над кем вот-вот должны сомкнуться волны прогресса, главный герой «Улитки...» Кандид понимает: «самое страшное — что историческая правда... не на их стороне, они — реликты, осужденные на гибель объективными законами, и помогать им — значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то крошечном участке фронта». И далее следует выбор: «Это не мой прогресс». Т. е. Кандид превращается в субъекта, противостоящего системе и готового к схватке с ней, несмотря на всю ее прогрессивность, к схватке на стороне тех, кого сильные их мира обрекли на гибель: Кандид сжимает в руке

скальпель и уходит в лес с мыслью о том, что он — тот камешек, о который этот прогресс споткнется.

Иными словами, социальное конструирование — это системная деятельность. Социальное — это не только системы и системность. Это единство и борьба противоположностей — субъектности и системности, носителей этих сущностей — субъекта и системы. Субъектность — вот объективный и необходимый, но недостаточный предел социального конструирования; достаточный — исторические условия, обстоятельства, включая и такой как «случай — Бог-изобретатель».

О нормативной модели? Не знаю. У меня есть соображения не столько о том, что должно быть, сколько о том, без чего России не выкарабкаться, о необходимых условиях. В экономике это мобилизационный вариант; в социальном устройстве — устранение социальной поляризации (до приемлемого децильного коэффициента 3:1, 4:1); в политико-идеологическом устройстве — национально-ориентированный социализм корпоративного типа, где нация выступает как корпорация.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Правильно ли я понимаю, что капитализм — это власть денег, а его антипод, о котором говорится, — это власть власти? Т. е. фактически оружия?

Ответ (А.И. Фурсов):

Нет, во-первых, власть обеспечивается далеко не только оружием, но такими факторами, как контроль над экономикой и информацией (то, что Антонио Грамши называл «культурной гегемонией»). Во-вторых, капитализм — это не просто власть денег, даже в условиях господства финансового капитала. Деньги (и капитал) существовали до капитализма и будут существовать после него. Капитализм — это не просто триумф капитала и, тем более, денег, как это представлялось

гайдарам и прочим реформаторам, которые критиковали образ, созданный советскими и партидеологами, «научными коммунистами» и прочим околоинтеллектуальным мусором, и принимали этот образ за реальность. А затем, дорвавшись до власти, стали насаждать его с садистическим социал-дарвинистским рвением.

Капитализм — это не просто и не только экономика. Это экономика, определенным образом ограниченная и обусловленная социальными и политическими институтами. Капитализм гайдаров и К° возможен только на периферии — на Гаити, в Нигерии, сегодня — в РФ. Модель ядра, она же историческая модель, матрица, «идеальный тип» (в обоих смыслах этого слова), принципиально иная.

Д.С. Чернавский:

Капитализм — это не экономика.

А.И. Фурсов:

И экономика тоже.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

В Вашем письменном докладе много внимания уделяется кризисам, причем кризисам, которые определяются в хронологическом отношении довольно длительными периодами. По какому же критерию Вы идентифицируете: кризис или не кризис?

Ответ (А.И. Фурсов):

Социальный кризис — это широкомасштабное и болезненное изменение основ общественного бытия и сознания данного общества или его определенных элементов. Кризисы могут быть структурными, когда потенциал системы еще не исчерпан и одна ее структура меняется на следующую, и системными — в последнем случае потенциал системы исчерпан и любые попытки разрешить ситуацию структурным

способом еще более ее ухудшают; поскольку системный кризис носит тотальный характер; любые попытки решить проблемы в одной из подсистем ухудшают общую ситуацию. Поражена ли кризисом одна из сфер структуры, сама структура или система в целом — это определяет длительность кризиса: от 3–4 лет в экономике (1929–1933 гг.), 30–50 лет при переходе от одной структуры к другой до 150–200 лет системных кризисов — например, кризис XVII в. в Западной Европе (1450–1650 гг.), в результате которого возникли основные агенты, создававшие капсистему.

Вопрос (Е.Г. Пономарева):

Вы уже неоднократно в своих работах говорите о понятийной катастрофе и необходимости добиться «зловещего интеллектуального превосходства» над противником. В последние годы происходит уничтожение отечественной науки, ее интеллектуального потенциала. Откуда появятся силы на создание этого «зловещего превосходства»?

Ответ (А.И. Фурсов):

В нынешней ситуации такому превосходству, действительно, почти не из чего появиться — нет агента, которому необходимо «зловещее интеллектуальное превосходство». Но исключать, что он появится, нельзя: как говорили герои толкиновского «Властелина колец», надежда всегда есть. И даже когда рушится система, остаются люди, нетождественные системе.

Структуры отечественной науки действительно находятся в разрушенном состоянии. Об одних из них можно сказать «жизнь после смерти», о других — «балет безногих». Похоже, сегодня научная и интеллектуальная жизнь уходит из структур РАН, как когда-то, в XV–XVI вв. она уходила из университетов в королевские общества, а в XVIII–XIX вв. вернулась в университеты, но уже не средневековые, а оформившиеся на новой, буржуазной основе. Сегодня возникает

немало пока слабых, часто малоинституционализированных, а нередко просто сетевых научных структур, в которых работает наиболее активная часть ученых. Смогут ли эти структуры существовать без минимальной государственной поддержки? Хочется верить, что смогут, но есть сомнения. Создание «зловещего интеллектуального превосходства» во многом будет зависеть от того, появится или нет национально ориентированная властная элита, которая идентифицирует себя с Россией и чьи долгосрочные интересы — это интересы России.

Вопрос (В.М. Межуев):

Как различить болезнь и лекарство? С одной стороны, Вы говорите, что, во-первых, капитализм меняется, меняется в интересах создателей, по Вашим словам — демонтажников. Создаются некапиталистические периферии по всему миру — латифундии, плантации...

Ответ (А.И. Фурсов):

Некапиталистические, а точнее — докапиталистические уклады создавались капиталом на периферии в XVIII в. — первой половине XIX в. Что касается демонтажа капитализма, то его начало можно датировать 1970-ми гг. — это же разные эпохи.

В.М. Межуев:

Надо полагать, что и капиталистическая этика меняется. При этом, говоря о том, что надо делать, Вы как бы сами предполагаете создание нечто аналогичного. Не подыгрываете ли Вы тем людям, против которых выступаете?

Ответ (А.И. Фурсов):

Важный вопрос. Но надо сразу оговориться: я не призываю к созданию чего-то аналогичного; посткапитализм может быть разным, в зависимости от того, кто возьмет верх

в борьбе за будущее, в чьих интересах оно будет создано — нынешней верхушки или иных сил.

Если же говорить о диалектике соотношения капитализма и антикапиталистической борьбы, борьбы левых сил, то здесь есть один системный парадокс капитализма, на который обратил внимание Иммануил Валлерстайн. Заключается он в том, что чем успешнее действовали в XX в. силы в самой капсистеме, чем сильнее тормозили движение капитализма к охвату всей планеты, тем больше они продлевали ему жизнь, тем более привлекательный, социалистический облик (пик — 1945–1975 гг.) они ему создавали. Другое дело, что альтернативная мировая система не состоялась.

Если говорить о сегодняшнем моменте, то я приведу еще один тезис Валлерстайна: показателем реальной борьбы в системе и одновременно вступления ее в системный кризис является то, что представители верхов и низов говорят об одном и том же, а потому в период системного кризиса будет трудно отделить зерна от плевел. Напомню в связи с этим эпизод из комедии Дюрренматта. Германцы входят в Рим с транспарантами: «Долой рабство! Да здравствует светлое будущее — крепостной строй!». Так, сегодня лидеры левых говорят о некапиталистическом будущем, но и наиболее дальновидные идеологи мирового капиталистического класса говорят о демонтаже рыночной экономики и о мировом, по сути некапиталистическом правительстве. Ясно, однако, что имеется в виду разное некапиталистическое будущее после капитализма. Об этом, кстати, откровенно пишет Агтали, противопоставляя гиперномадов — создателей и хозяев будущего — и инфраномадов — бедняков, беженцев. Как первые, так и вторые заинтересованы в демонтаже капитализма, но далее их пути расходятся: одно дело посткапитализм для 1–2 млрд жителей ядра и его анклавов, и другое — для всех остальных. И — центральные вопросы: кто — кого? кто в ущерб кому и на чьих костях построит новую систему?

В работе «Колокола Истории» я касался вопроса сложности борьбы в условиях системного перехода, трансгресса, говоря о том, что в самом переходе необходимо упреждающее сопротивление хозяевам нового мира, борьба за лучшую сделочную позицию в нем. Ясно, что такую задачу легче поставить, чем решить. Во-первых, воля к борьбе и ясность мысли — это не самые распространенные из качеств. Во-вторых, социальные конфликты позднекапиталистической эпохи заслоняют, затемяют или просто делают невидимыми конфликтные точки, контуры и объекты борьбы будущей эпохи; конфликты последней как бы свернуты и спрятаны в конфликты сегодняшнего дня и трудно отделить одни от других. В-третьих, что еще более осложняет ситуацию, потенциальные господа посткапиталистического (и посткоммунистического) ныне **реально** борются с экономическими, социально-политическими и идейными формами Капиталистической Системы, выступая против **нее** и характерных для **нее** эксплуатации, угнетения, отчуждения. В такой ситуации сопротивление должно стать особым искусством. Более того, оно должно стать наукой, а точнее, опираться на особую науку сопротивления (любым формам господства), которую еще предстоит разработать — как и соответствующую ее идейно-нравственную основу.

Именно в азарте борьбы переходных эпох, направленной против старых господствующих и эксплуататорских групп, выковываются новые формы господства и его персонификаторы. Поднявшееся на борьбу общество, трудящиеся сами выдвигают и выковывают их — закон самообмана. Эпоха революций — это эпоха создания новых господ, превращения тибулов и просперо в новых толстяков. Или, по крайней мере, подготовка плацдарма для такого превращения, сервировка нового социального стола.

В борьбе революционных эпох все помнят о плохом старом и мечтают о хорошем новом, забывая, что хороших социальных порядков — ни новых, ни старых — не бывает;

бывают выносимые и невыносимые; борются со старым и не думают о борьбе с новым в новой эпохе — зачем? это будет прекрасный новый мир. Именно в момент борьбы с господами старого мира, отрекаясь от них и от этого мира, люди сажают себе на шею новых эксплуататоров — как Синдбад-мореход, наивно подставивший шею старику-«шейху моря», которого потом долго носил на себе.

Главная задача, стоящая перед человеком в революционные, «переходные», вывихнутые эпохи, — не дать обмануть себя и, что еще важнее, не обманывать самого себя, избежать соблазна самообмана, питаемого и усиливаемого нежеланием нести ответственность, делать самостоятельный выбор и участвовать в длительной психологически изнуряющей борьбе. Говорят, генералы всегда готовятся к прошедшей войне. Аналогичным образом дело обстоит в революциях: люди воюют с прошлым, они готовы к прошлому врагу, но не готовы, не видят нового субъекта с хлыстом, или в котелке, или во френче, или в свитере. Другой вопрос, что задача определения Грядущего Господина трудна сама по себе и что даже вычислив его, нелегко превратить теоретическое знание в практику в ходе социальной борьбы — ведь в таком случае оказываешься между двух огней. Но, с другой стороны, и «огни» можно направить друг на друга, как это делал капитал в течение последних 200–250 лет. Это та ситуация, где практика действительно оказывается критерием истины.

Опыт прошлого показывает, что в любой социальной схватке необходимо трезво смотреть не только назад, но и вперед, с упреждением вырабатывая интеллектуальные и властные «антитела», способные исходно ограничить новых хозяев. Искусство сопротивления не только прошлому, но и будущему — вот что должно шлифоваться и отрабатываться. И, соответственно, знание, необходимое для этих целей. Это знание должно вырабатываться и совершенствоваться спокойно, но неуклонно — как йоги и мастера кун-фу оттачивали свое умение в монастырях в ходе длительной исто-

рии своих цивилизаций. Посткапитализм, похоже, окажется длительным, «асимптоматическим» периодом, так что время будет. И начинать нужно с нового типа понимания и знания. Знание — не просто сила, а власть.

В эпоху, когда информационные факторы производства — знание, наука, идеи, образы — становятся решающими и отчуждаются у человека (а вместе с ними и он в целом — иначе быть не может), когда они становятся полем реальной социальной борьбы, последняя (равно как господство и сопротивление) не может не иметь научно-информационной основы; более того, эта основа становится объективно самой важной сферой знания, которую новые господствующие группы должны будут секретить, табуизировать, виртуализировать. А для этого — скрывать реальность, мистифицировать, виртуализировать ее. Здесь сопротивление — это сражение за реальное представление о реальности. Но это — максимально общая («методологическая») характеристика.

Точечный, пуантилистский характер грядущей эпохи подсказывает: массовой, зональной, годной для всех и, **в этом смысле**, универсальной «науки сопротивления» быть не может. В каждой точке она может быть различной. Универсальность ее будет носить иной характер: не наука сопротивления **кому** (феодалу, капиталисту, номенклатурщику), а прежде всего сопротивления **кого**. Если главной антиэксплуататорской задачей человека станет остаться человеком вообще, то объект сопротивления имеет куда меньше значения, чем субъект. Новая «наука сопротивления» должна и может быть только субъектной, все остальное — методы, приемы, средства — относительно. В этом смысле мы как бы возвращаемся к истокам христианства, уже на рациональной основе: «Иисус, дай нам руку, помоги в немой борьбе».

Разумеется, наука сопротивления не гарантирована от превращения в науку нового господства, эдакую «социальную прокрустику», как это произошло, например, с марксизмом на рубеже XIX–XX вв. Но марксизм — такова была эпоха —

представлял собой объектную, объектоцентричную «науку сопротивления», отсюда и метаморфозы. Субъектный характер новой «науки сопротивления», нового «сопротивляющегося знания» в значительной степени является иммунитетом против перерождения. Впрочем, все это определяется и логикой самой социальной борьбы. Поэтому в нынешних конфликтах необходимо обладать двойным, стереоскопическим и инфракрасным (помимо нормального) зрением, двойным видением — дневным и ночным (и соответствующими приборами). Необходимо внимательно приглядываться ко всем агентам текущего мира и его конфликтам, прикидывая на будущее. Сегодняшний друг или нейтрал может оказаться завтрашним врагом — и наоборот.

История показывает, что в ходе системных трансгрессов именно конкретный результат, исход борьбы противоборствующих сил определяет и характер возникающего общества, и его долгосрочное будущее, и даже специфику его антисистемных сил.

Борьба между сеньорами и крестьянами (при более или менее активном участии короны) в «длинном XVI веке» (1453–1648 гг.) дала три результата, отсюда — три модели западноевропейского развития. Во Франции сеньоры в целом потерпели поражение, зажатые в тиски между короной и крестьянами; результат — возникновение высокоинституционализованного государства, слабо связанного с господствующим классом; антисистемная социально-политическая борьба в таком обществе была направлена прежде всего против государства, отсюда — анархизм и синдикализм.

В немецких землях сеньоры взяли верх над крестьянством, устроив ему «второе издание крепостничества» и отодвинув корону. Результат — высокоинституализированное государство, в отличие от французского, тесно связанное с господствующим классом и в значительной степени контролируемое им. Антисистемная борьба в таком обществе приобретает классовый характер, ее цель — не отрицание и

уничтожение государства, а его захват, т. е. мы имеем социал-демократию.

В Англии, в силу того что в войнах Роз значительная часть сеньоров физически истребила друг друга, в конце XV в. — начале XVI в. возник необычный для Западной Европы тип землевладельца-джентри, олицетворявший социальную ничью в противостоянии сеньоров и крестьян. Джентри — это не замкнутая, а открытая социальная группа, доступ в которую обеспечивается покупкой земли, т. е. деньгами. Результатом такой мутации стало возникновение слабоинституционализованного государства, слабо связанного с господствующим классом. Социальная борьба в таком контексте носит прежде всего экономический характер, и если во Франции левые партии создавали профсоюзы, то в Великобритании тред-юнионы создавали лейбористскую партию.

Думаю, что вариантов выхода из кризиса-матрешки XXI в. (разумеется, если он не завершится тотальной планетарной катастрофой) тоже будет несколько. Я не верю в единый глобальный посткапиталистический мир. Скорее всего миров будет несколько.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Андрей Ильич, Вы избрали в качестве центрального пункта рассуждений такую категорию, как капитализм, фактически отождествив ее с историческим процессом последних веков. И к тому же своеобразно ее истолковали. Мне неясно, почему Вы рассуждаете о ходе исторического процесса, исходя только из этой категории, а не всего комплекса произошедшего исторического переворота, становления современности (модернити) или, иначе, Нового времени?

Капитализм — отнюдь не универсальный социальный и институциональный феномен. Приведу лишь один пример. В ваших рассуждениях о последних веках истории генезис капитализма оказывается практически полностью и целиком

связанным с трансформацией аристократии — феодалов, как вы их определяете. И, что удивительно, в Ваших рассуждениях полностью отсутствует феномен развития городской культуры — т. е. роль *бургов* и их насельников *буржуа* — как движителей новой культуры, культуры нового времени. Вся эта тема попросту выведена за скобку.

В результате, возникает ряд узких мест. В частности, когда Вы начинаете описывать события XX в. с точки зрения противостояния капитализма национальному и интернациональному социализму, то эти субъекты истории возникают у Вас «ниоткуда», ибо об их генетике просто не было речи в версии современной истории, прочитанной исключительно как история капитализма. Эти социально-политические феномены появляются как черт из табакерки, не обоснованные логикой исторического процесса (и сразу как оппоненты), поскольку процесс сведен исключительно к генезису капитализма. Причем — подчеркну еще раз — без рассмотрения его в русле развития буржуазной (городской) культуры.

Эпоха Модернити заметно шире, нежели феноменология и логика капитализма, она включает в себя определенную систему ценностей, направленную на сокрушение прежнего сословного общества и связанных с ним политических и экономических институтов, утверждая вместо них собственные. Не кажется ли Вам, что сведение исторического процесса исключительно к исследованию динамики форм капитализма — от торгово-финансовой к индустриальной и далее, без учета развития всего комплекса культуры современности (модернити) — весьма узкое, одностороннее прочтение истории? И не слишком плодотворное при оценке версий развития мира, прогнозирования будущего.

Ответ (А.И. Фурсов):

Нет, не кажется. Наоборот, это максимально широкое системное прочтение истории. Я категорически не согласен с тем, что в один ряд ставятся капитализм, «модернити» и го-

родская культура. Это не рядоположенные феномены, а причина (капитализм) и следствия.

Не бывает городской культуры вообще, системно — (марксисты сказали бы формационно — или классово-) нейтральной городской культуры, города вообще. Были города азиатского типа (не вполне города), античного типа (в которых противоречие город — деревня по сути так и не возникло, полис объединял оба эти начала), феодального, с которого, как отмечали совершенно разные мыслители — от Карла Маркса до Умберто Эко, — история впервые начинает развиваться как динамическое противоречие между городом и деревней — в этом плане феодальный город противостоит азиатскому и античному городам вместе взятым; показательно, что Р. Спрингборг доказывает: настоящим наследником античного города является не феодально-средневековый, а мусульманский.

Наконец, буржуазный город, который развивается на основе капитализма. Капитализм практически нигде не вырастает из феодального города, из феодальной городской культуры — он ее уничтожает. По мере развития капитализма урбанистический феодализм везде приходит в упадок, происходит аграризация и натурализация этих зон. Это — во-первых. Во-вторых, капитализм как тип производственных отношений исходно возникает не в городе, а в деревне — это прекрасно показали и Р. Бреннер в работе «Аграрные корни капитализма в Западной Европе», а затем его последователи, Валлерстайн в первом томе «Современной мир-системы» («Капиталистическое сельское хозяйство и происхождение европейской мир-экономики в XVI веке») и его последователи, да и многие другие. Развиваясь в деревне, капитализм не только подрывал городской феодализм, но и закладывал фундамент для буржуазного города, который становился дополнительным конкурентом феодального города и фактором заката последнего.

Ergo: ни о какой городской культуре как самостоятельном внекапиталистическом факторе капиталистической эпохи

речи идти не может. Буржуазный город порожден капитализмом, развивается по законам этой системы и, следовательно, не может быть выбран в качестве самостоятельного фактора, рядоположенного капитализму, независимой переменной: причины и следствия, целое и элементы не могут находиться в одном ряду. Заяц — это не заяц плюс его лапы, плюс уши; это просто заяц.

Аналогичным образом обстоит дело с «модернити». Это тоже аспект, следствие капиталистической системы, буржуазного общества на определенной стадии их развития, а не некий, независимо от капитализма существующий фактор. Возможен ли Модерн без и вне капитализма? Нигде и никогда. Не Модерн объясняет капитализм, а капитализм объясняет Модерн.

Теперь о национал-социализме и коммунизме — откуда они появляются? Из капитализма. Первый — как его развитие в специфической части Западной Европы в специфических исторических обстоятельствах, в том числе международных; второй — как отрицание капитализма, как системный антикапитализм. Будучи антипросвещенческим идеологически (третий исторический бунт немецкого партикуляризма против универсализма), социально-экономически национал-социализм вполне укладывался в капиталистическую логику и ни в коей мере не был ее ограничением. Объективно, как немецкий капитализм, он ограничивал англосаксов, пытаясь выстроить свой сегмент капсистемы и с его помощью стать ее гегемоном.

СССР, напротив, будучи в идейном плане наследником Просвещения (одним из), в социально-экономическом, системном плане отрицал капитализм, но возник полностью в соответствии с логикой капитализма.

В «Колоколах Истории» я писал, что в историческом коммунизме есть один парадокс, на который не обращают внимания. Коммунизм как система идей существует более двух тысячелетий — как минимум, с киников, если брать европей-

скую традицию. А вот как социальная система коммунизм — это антикапитализм. Исторически коммунизм — это только антикапитализм, не антирабовладение, не антифеодализм. И здесь мы подходим к проблеме капитализма — самой загадочной социальной системы. Мало того, что он может создавать докапиталистические уклады и использовать их в качестве своих функциональных органов, он вдобавок — внимание! — может существовать в двух разных формах, с двумя разными знаками: «плюс» и «минус», капитализм и антикапитализм. По крайней мере, в нем заложена такая потенция, и Россия ее реализовала, решая при этом свои проблемы и реализуя на своей почве якобинский проект, давно уже задавленный в Западной Европе, в ядре капсистемы.

Ergo: и национал-социализм, и системный антикапитализм, превратившийся в 1930-е гг. из интернационал-социализма в национал-большевизм, суть феномены капиталистической эпохи, в их основе, в основе их бытия — капитализм.

Думаю, в основе стремления «добавить» к капитализму с целью более «полного» понимания истории последних 300–400 лет «городскую культуру», «модернити», «антикапитализм» и еще Бог знает что, связано с очень обуженным, экономоцентричным — если не сказать вульгарно-материалистическим — представлением о капитализме. Капитализм — это не просто экономика, это комплекс материальных, социальных и духовных производительных сил, существующий как в виде «вещества» (структур, институтов), так и в виде «энергии» — процессов, существующих не по отдельности, не как сумма рядоположенных частных, а как иерархически организованная целостность; причем в ряде случаев иерархия приобретает черты tangled hierarchy, а общая картина системы начинает походить на «Относительность» М. Эшера.